

Танкер «Дербент»: Ветер -2

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 24 января, 2025

Танкер "Дербент": Ветер -2 2.

Гусейн проснулся оттого, что тело его перекатилось на койке и голова стукнулась в стальную стенку каюты. Тотчас же он почувствовал холод и, повернув голову к иллюминатору, открыл глаза. Из круглого отверстия сочился мутный серый свет, и в полосе света кружились мелкие водяные брызги. Гусейн вспомнил, что накануне перед сном он лежал в том же положении, глядя в иллюминатор, и там, как в телескопе, на бархатном темно-синем небе неподвижно стояла большая голубая звезда, а море внизу чуть шумело редкими всплесками. Теперь снаружи все было полно глухим нарастающим шумом, словно чей-то мягкий исполинский кулак размеренно бил в борт корабля. Непрерывно журчала вода, стекавшая откуда-то сверху:

Тело Гусейна то удивительно легчало, словно падало в яму, то тяжелело, прижималось к койке и плыло направо и вверх, а вместе с ним наклонялась плоскость потолка, и качались углы каюты, и перекачивалась на полу консервная банка, должно быть упавшая со стола. Она то останавливалась, словно притаившись в углу и слегка покачиваясь, то быстро колесила вдоль каюты, дребезжа и натыкаясь на ножки стола.

Гусейн прыгнул на пол, качнулся и ухватился за край койки. Немного постоял, потягиваясь, расставив руки на всякий случай. За стеной слышались голоса, прозвучали шаги, и Гусейн застыл на месте, прислушиваясь, накрытый с головой фуфайкой. Наконец он натянул ее и надел пиджак, а фуражку надвинул поглубже, чтобы не сбило ветром.

В коридоре ему попался Догайло, гревший спину около теплой стены кухни. Дождевик боцмана почернел от воды, и на лбу его прилипли пряди седых мокрых волос. Лицо его было смущенное, словно его застали за нехорошим делом.

— Ты чего, дядя Харитон? — спросил Гусейн дружелюбно. — Обсушиться задумал? Брось, опять вымокнешь! Эх, как качает!

Балласту не набрали, что ли?

– Какое там! Набрали уже балласту, – пропел Догайло жалобно, моргая глазами, – да ты посмотри, что делается. Выдь на мостик.

Гусейн пошел к выходу, но у дверей его бросило к стене, в грудь ударил неистовый ледяной ветер, и он опять расставил руки, чтобы не удариться о косяк.

На мостике он остановился, оглушенный трубным гулом ветра, до удушья забившего рот и выдувавшего из глаз слезы. Сквозь мутную пелену слез он увидел зелено-белую огромную волну, которая поднялась над бортом, рухнула на грузовую палубу и прокатилась клокочущим потоком. Потом поднялась другая, потрясая растрепанной гривой. «Дербент» подмял ее под себя, перевалился, отряхивая воду, как гигантская плавающая птица.

Со спардека двигались навстречу Гусейну две фигуры в мокрых дождевиках. Они хватались за перила и широко расставляли ноги. В одном из них Гусейн узнал Котельникова, в другом – матроса Хрулева.

– Боцман где? – закричал Котельников, подойдя ближе. Гусейн вглядывался в его лицо, стараясь понять вопрос. – Да где же он скрывается? Вот паразит!

– Не тронь его, он упарился, – ответил Гусейн, стараясь кричать погромче и показывая в сторону коридора, где остался боцман. – Ну, допустим, я за него. В чем дело?

– Там волны шпилевой мотор заливают, брезент сорвало! – кричал Котельников. – Да это палубных матросов дело, а не твое.

Но Гусейну было интересно и хотелось размяться, перед тем как идти на вахту. Не каждый день бывает такой шторм, – что ему сидеть в каюте? Он уже привык к оглушительному вою ветра, и лицо его горело. Он побежал к мостику. Котельников двинулся за ним, держась за его плечо. Хрулев семенил сзади, опасливо поглядывая вниз, на палубу, где клокотала вода. Они прошли левой стороной спардека, – здесь ветер был слабее.

– Пожалуй, с опозданием прибудем, – высказал предположение Гусейн, – как ты думаешь, Степа?

– Выспался, милый. В Красноводск идем, а оттуда в Махачкалу. Никто нас теперь не обгонит.

– Вот так здорово! – изумился Гусейн. – А как же с соревнованием будет? Ведь «Агамали» по старой линии идет.

– Не беда. Мы по тонно-милям будем считать. Там разберемся...

Гусейн кивнул головой. В таком случае Красноводск так Красноводск! Он чувствовал себя прекрасно на ветру с открытой грудью. Хотелось поскорее увидеть, что случилось с мотором, но Котельников медлил. Лицо его вдруг позеленело, и он сделал движение ртом и шеей, как будто глотал застрявший в горле кусок. Он перевесился через перила и тяжело дышал.

– Они о утра все блют, я замечаю, – хихикнул Хрулев. – Весь ихний харч ныне за борт пошел. Мо-ре-хо-ды!

Котельников плевал густой, тягучей слюной, охал и бормотал ругательства, Волосы его свесились и трепались по ветру.

– Иди! – крикнул он сердито Гусейну. – Ну, что ты стал? Ох!

На переходном мостике, ведущем на бак, столпились вахтенные матросы, и помощник Касацкий что-то объяснял им, показывая вниз, на грузовую палубу. Там Гусейн увидел злополучный электромотор, обнаженный и блестящий от воды. Эту переднюю часть палубы волны захлестывали не так сильно. Только изредка белая грива перекидывалась через борт, пузыристые потоки стремительно разливались по темному глянцевиному настилу, задерживаясь и вскипая у люков.

– Тут в два счета надо, – сердито кричал Касацкий, – поднести и накинуть брезент – раз! Натянуть и завязать бечевку – два! Были бы у меня сапоги, я бы вам показал. Да тут двоих довольно! Вот Фомушкин да Хрулев...

Запасный брезент лежал тут же на мостике, и в кольца его была продета бечева, Гусейн нагнулся и потянул его за край.

– О, богатырь пришел, – улыбнулся Касацкий, – сейчас он вам покажет, как надо работать!

Гусейн собрал брезент и расправил бечеву.

– Давайте попробую. Вот Хрулева еще возьму. Вдвоем и закроем.

– Вот-вот, – заспешил Касацкий и даже притронулся к брезенту, как бы намереваясь помочь, – я же говорю, пустяковое дело!

– Маловато двоих-то, – пробормотал Хрулев, тоскливо оглядываясь. – Еще бы одного...

– Десять! – захохотал Гусейн, – Да у тебя кила, что ли?

Они подтащили брезент к трапу, ведущему на палубу, и Гусейн, спустившись на три ступеньки, перекинул бечеву через плечо. Откуда-то выскочил Володя Макаров и сердито крикнул Гусейну:

– Разве они сами не могут? Брось, Мустафа!

– Помогаю товарищам, – улыбнулся Гусейн. – От чего не помочь, если просят?

Под его ногами вихрем промчались белые потоки воды, и перила трапа качнулись. Рядом заметалось бледное лицо Хрулева с расширенными глазами и закушенной нижней губой. Потом палуба обнажилась и заблестела.

– Ты держи меня, если что, – пробормотал Хрулев испуганным говорком, – у меня в глазах кружение. Пожалуйста, Мустафа...

– Я тебя удержу-у, – смеялся Гусейн, – за ногу тебя держать или повыше? Хо-хо!

Они побежали по мокрой палубе и накинули брезент на тело мотора. Гусейн присел на корточки, продевая концы бечевы в отверстия моторных салазок.

– Скорей! – бормотал Хрулев, дергая бечеву. – Ох, скорее, Мустафа!.

Потом он вдруг метнулся куда-то. Гусейн услышал топот ног и какой-то крик. Но он поднял голову не сразу, а сначала накрепко затянул узел и тогда вдруг увидел огромную бутылочного цвета волну, поднявшуюся высоко над бортом, и на ее верхушке молочно-белый кипящий гребень, закрутившийся со зловещим свистом. Гусейн прижался всем телом к мотору, обхватил руками вал и в последнюю минуту почему-то очень отчетливо заметил свои руки с побелевшими от напряжения ногтями на валу мотора и крупную ткань брезента в рыжих масляных пятнах.

Потом на него словно обрушилось ледяное небо и оглушительным звоном отдалось в голове, что-то схватило его за туловище, тащило за собой, выворачивая руки, и колотило о палубу. Оглушенный, почти теряя сознание, он всю свою силу отдал кистям рук и так и не разжал их, пока не промчался над ним поток и не обмелел, оставив на палубе пузыри пены. Поднялся же он как-то сразу и тотчас побежал, не чувствуя своего тела, а сверху все кричали что-то, но крик этот казался ему слабым,

как писк комара.

Вторая волна ударила его по ногам, когда он уже держался за перила трапа. Поскользнувшись, он упал на колени, но сейчас же опять поднялся и стал взбираться по ступенькам. Только очутившись на мостике, он пошатнулся, оперся на перила и выплюнул длинной струйкой соленую воду.

Он увидел перед собой испуганное лицо Володи, холодные смеющиеся глаза Касацкого и услышал, как Хрулев говорил кому-то:

– Я ему кричал, а он как статуя, право же, статуя...

– Неосторожно! – строго заметил Касацкий. – Этак и за борт попасть недолго.

Гусейн посмотрел вниз и увидел мокрый брезент, плотно облегающий мотор. Ему было очень холодно, и как-то сами собой дробно стучали зубы. Володя обнял его за талию, легонько подтолкнул в спину и, обернувшись к стоявшим на палубе, язвительно бросил:

– Если бы не он, вы бы тут до вечера подначивали друг друга. Эх вы! Powestler